

 MOJANG

МИНЕСРАФТ

УТЕРЯННЫЕ ДНЕВНИКИ

МЕР ЛАФФЕРТИ

Minecraft. Original

Мер Лафферти

Minecraft: Утерянные дневники

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Лафферти М.

Minecraft: Утерянные дневники / М. Лафферти — «Издательство АСТ», 2019 — (Minecraft. Original)

ISBN 978-5-17-119702-5

Когда Макс находит старый потрепанный дневник, принадлежащий некоему Чародею, он и его давняя подруга Элисон узнают о портале, через который, по роковой случайности, попадают в Нижний мир, зловещие земли, где опасности подстерегают на каждом шагу. Здесь Макс и Элисон неожиданно помогают свирепая воительница Фрейя и ее ручная волчица Кусака. Заручившись поддержкой Фрейи и пользуясь подсказками из загадочного дневника, друзья отправляются на поиски Чародея, уже понимая, что выбраться из Нижнего мира им будет очень трудно.

УДК 821.111

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-119702-5

© Лафферти М., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	31
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мер Лафферти

Minecraft: Утерянные дневники

Посвящается Фионе, Блейзу, Алексу и черепашкам

Пролог

Из утерянного дневника Н

Сегодня лечу серьезные ожоги после встречи с
Еле ноги унес. Это было желтое чудовище,
куб в окружении

Я по глупости думал, что рубашка выдержит, думал, что
это будет всего лишь разведка. Не смог устоять перед
шансом получить сильный и другие богатства.

Но не существует никакой шерстяной брони, что бы
ни говорил. Моя рубашка оказалась бесполезна.
Придется сказать, что они зря теряют время.
Еще жаль потраченной шерсти.

И овцы.

Я все же нашел кое-что любопытное: но его
охраняют те огненные твари. Надо бы собрать больше
информации, прежде чем я снова к ним сунусь.

А теперь в деревню, может быть, кто-нибудь согласится
продать мне исцеляющее зелье. Надеюсь, я не нарвусь на
Сейчас мне с ними не справиться.

Кажется, я совершенствую навык постройки порталов. В этот раз почти все шло как надо. На этой стороне случилась неувязка с зомби, а на той поджидало еще больше этих огненных тварей. Но – эй! – когда жизнь дает тебе грибы, ты варишь грибной суп. Я соорудил небольшую платформу и отнес к ней целую кучу булыжников для постройки убежища.

! Думаю, у меня получается все лучше.

Зачем что-то записывать, если не хочешь, чтобы кто-то это читал? И все же я надеюсь, что так и будет. На той стороне меня ждало только больше тварей, я чуть не лишился жизни. Если не найду себе укромный уголок для жизни, точно умру. Но на этой стороне жить больше не вариант.

Если кто-то все же найдет этот дневник, не ходите за мной.

• Слишком велика опасность и многочисленны риски.

Единственное найденное мной сокровище – строительный куб, который жжется, стоит только его коснуться. На той стороне ничего стоящего. •

Сейчас я ищу лишь свободы.

Часть первая

Глава 1 Лучше б грибы растила

В бухте неподалеку мелькали красные и оранжевые головы, с блеянием появляясь и с бульканьем уходя под воду. Элисон потрясла головой. Овцы вырвались на свободу и ускакали напрямик к воде. Опять.

Скрестив руки, она смотрела, как их пушистые квадратные головы появляются и вновь исчезают, ясно давая понять, что в ближайшем времени не собираются выходить на сушу. Да что не так с этими овцами? Они любили воду больше, чем любые встречавшиеся ей овцы. Родители разводили животных нужной им расцветки, но, насколько было известно Элисон, с кальмарами скрестить их не пытались.

Кстати о кальмарах: судя по темным пятнам в воде, к овцам заглянули друзья.

Солнце было еще высоко, и Элисон могла вмешаться и поймать овец, но она ненавидела нырять за маленькими чудовищами. Мокрая шерсть воняла ужасно.

– Восхитительно, – проворчала она, засучив рукава. Она достала из рюкзака немного пшена и пошла к краю бухты.

– Как делишки? – раздался крик у нее за плечом.

Она подпрыгнула на месте и развернулась. Позади, задрав голову, стоял ее лучший друг.

– Макс! – крикнула она. – Не делай так. Я приняла тебя за крипера!

Он пожал плечами.

– Разве я шипел? Я просто хотел узнать, что ты подделываешь. – Он вытянул шею и заглянул ей за плечо. – О... опять овцы плавают?

Она не могла решить: то ли подтвердить этот до смешного очевидный вывод, то ли велеть ему отойти от воды. И выбрала оба варианта.

– Яблочко и Маленький принц снова сбежали. Пойду верну их, – Макс уже открыл рот, и она торопливо продолжила: – в одиночку, Макс. Твоя мама убьет тебя, если еще раз подойдешь близко к воде. А меня убьет даже два раза.

Он чрезвычайно внимательно огляделся вокруг, приложив ко лбу ладонь козырьком, чтобы не слепило солнце.

– Хм. Я ее здесь не вижу. А я уже близко к воде, – он сделал маленький шаг вперед и, крепко зажмурившись, погрузил пальцы ног в воду. – Я уже умер?

– Пока нет, – ответила Элисон сквозь зубы. – Просто дай мне самой их оттуда вытащить. Если хочешь помочь, иди проверь загон или еще что сделай. Выясни, почему они снова убежали.

Макс сделал еще один шаг в воду, не отрывая глаз от плескавшихся животных. Надо признаться, овцы, кажется, и правда отлично проводили время в бухте. К ним действительно присоединился кальмар, и его щупальца мелькали в воде рядом с яркими овечьими головами.

– Ты же знаешь, что я им нравлюсь больше тебя, – сказал Макс. – Тебе нужна моя помощь.

– Это неважно, если я принесу еду, они выйдут, – сердито ответила Элисон. – И нет, не больше.

Но он был прав. Элисон раздражало, что овцы красной и оранжевой породы в их семейной отаре любили ее лучшего друга и игнорировали ее саму. Сегодняшний день не стал исключением; наверное, они подумали, что Макс пришел с ними поиграть: когда он был по колено в воде, они счастливо заблеяли и поплыли к нему.

Он даже не пытался привлечь их внимание пшеном.

– Макс! – донесся громкий крик, и Элисон вздрогнула. Она не стала оборачиваться. Она очень хорошо знала этот голос: мама Макса делала так постоянно. – Немедленно выходи из воды!

Не говоря ни слова, она промчалась мимо Элисон к воде. Яблочко и Маленький принц в ужасе заблеяли и повернули назад, пытаясь спастись от неистового брызжущего во все стороны монстра, набросившегося на Макса. Кальмар нырнул на глубину.

Мама Макса не обратила на это внимания. Не успел Макс открыть рот, чтобы возразить, как мама схватила его поперек туловища и потащила на берег.

Макс забился.

– Мам, все хорошо, я не тону. Я не собирался заходить дальше! – кричал он. – Нужно было помочь Элисон с овцами!

– Я не позволю тебе опять рисковать жизнью! Я не могу тебя потерять! – ответила его мама. В ее полных ярости глазах уже собирались слезы. Она бросила его на песок и уперла руки в бока.

– Ты не потеряешь! – ответил Макс, но последние слова потонули в ворчании, с которым его мама вдруг нагнулась и вновь схватила его в охапку, крепко прижав к себе.

– Ты забыл, что я уже чуть тебя не потеряла? – повторяла она, не обращая внимания на то, что он пытается вырваться.

Элисон смущенно отвела глаза. В последние месяцы она чувствовала себя неуютно, глядя на проявления родственной любви, даже такой странной, как у Макса и его чересчур заботливой семьи.

– И, Элисон, – сказала мама Макса, отпуская его и снова упирая руки в бока, – я была о тебе лучшего мнения.

– Не кричи на Элли, мам, – вступился Макс, вставая между ними. – Она говорила мне не ходить. Я не слушал.

– И все же она должна о тебе заботиться. Она старше.

– Меньше, чем на год! – возразил Макс. – Мне двенадцать, я не хочу, чтобы она со мной нянчилась.

– Мы обсудим это за ужином, молодые люди, – она указала на Макса. – Больше в воду не заходи.

Макс вздохнул.

– Ладно, хорошо. Элли, я проверю загоны и очень постараюсь по пути к воде не приближаться. Хотя не знаю, что мне делать со слюной. От нее избавиться нелегко. – Макс сплюнул на землю и тут же понесся прочь, в панике взмахнув руками.

– Не смешно! – крикнула мама ему в спину, заливаясь слезами. – Пусть к воде не подходит, – напомнила она Элисон, словно та успела забыть.

– Я знаю, – ответила та. – Я тоже к ней подходить не хочу. Но загон опять сломался, и мне нужно поймать овец.

Мама Макса утерла слезы и сделала глубокий вдох. Придя в себя, она с сочувствием в опухших глазах посмотрела на Элисон.

– Почему? – спросила она ласково.

– Что почему? Почему нужно поймать их? Потому что они убежали, – ответила Элисон, моргнув. – Почему загон сломался? Не знаю. Но я точно знаю, что овцы сбежали, а когда это случается, ты загоняешь их обратно. У дедушки была на этот счет глупая присказка, что-то вроде «Если овце в загоне не мило, то лучше бы ты грибы растила».

Мама Макса нахмурилась.

– Это бессмысленно. В смысле, почему ты вообще заботишься об овцах? Они не пропадут, если ты выпустишь их на волю. Тебе больше не нужно о них волноваться. Нам не нужна

шерсть, а тебе не нужны заботы. Нет никакой причины их разводить, а потребность чинить загон лишь раз за разом заставляет тебя возвращаться домой. Знаешь, без этих воспоминаний было бы лучше, – она сделала небольшой акцент на слова «раз за разом», напомним Элисон, что возвращаться к разрушенному дому ей не на пользу. Она похлопала Элисон по плечу. – Подумай об этом. Увидимся за ужином.

Элисон буравила взглядом воду, чтобы не смотреть вслед маме Макса. Загон был далеко от дома, за рощей, и Элисон, навещая овец, на самом деле не видела сломанной деревянной хижины, которую звала когда-то домом.

Она часто ходила к загону, стараясь тщательно заботиться об овцах. Она чувствовала, что слишком многим им обязана.

Но мама Макса была права. Им больше не нужна шерсть. И Элисон тратила время и ресурсы на частую починку загона, а еще целыми вечерами бегала за сбежавшей отарой.

С другой стороны, они были одной из немногих радостей ее жизни. Она взглянула на проплывающую овцу, радостно играющую с кальмаром, который вновь всплыл и игриво обернул щупальца вокруг Яблочка. Маленький принц пытался боднуть подбиравшиеся к нему щупальца.

Элисон услышала позади топот, и, не успела она повернуться, как мимо нее пробежал к бухте Макс. Он с улюлюканьем прыгнул в мелкую воду, подняв столько брызг, насколько был способен, и, высоко поднимая ноги, с трудом пошел вброд, навстречу счастливо заблеявшим при виде него овцам.

Элисон рассмеялась и зашла в воду вслед за ним, рассыпая над головой зерно. Даже под угрозой наказания Макс всегда мог заставить ее смеяться и позабыть ненадолго о проблемах.

Глава 2

Папе Элисон не хватало воображения

Яблочко чавкала зерном, которым угостил ее Макс, а Элисон осматривала починенный им загон.

– Не перекорми их, – предупредила она, не оборачиваясь. – Им не время плодиться. Только новых ягнят мне сейчас не хватало.

– Ой, да ладно, ты же хочешь увидеть Яблочко-младшего? – спросил Макс, глядя овцу. – Может, получится Апельсинчик?

– Только если этого Апельсинчика не будет еще пуще тянуть поплавать после обеда, – ответила она. – Ну так... ты использовал мои инструменты для починки загона или... пошел другим путем?

Макс поднял на нее взгляд. Она хмуро смотрела на большие, громоздкие предметы, которыми он залатал загон.

– Ах, это. Я просто взял парочку блоков и заткнул ими дыру. Не смог найти дерева. Заплата в два раза выше – на случай, если Крепыш Бирюза снова начнет скакать. Правильно же сделал?

– Но... – она махнула рукой на изгородь, не зная, что и сказать. Она оглядела поляну. Семейная ферма Элисон стояла вдалеке от деревни, около дома Макса, и их большую поляну окружали высокие деревья. Сломанный деревянный дом ее семьи скрывался за поворотом, и Макс заметил, что она всегда поворачивалась к нему спиной, чтобы не напоминать себе о его существовании.

– У тебя было полно дерева! Я дала тебе хорошие инструменты! – сказала она, указывая на деревья. – А ты просто заткнул дыру этими... что это вообще такое?

– Обсидиан, – Макс знал, что она в жизни не видела обсидиана. Он был слишком редким, и родители никогда бы не позволили им играть у лавы.

Элисон, буравя его взглядом, осыпала его градом вопросов.

– И что это за материал для починки? Это же теперь даже не изгородь. И где, Верхнего мира ради, ты достал обсидиан? И с чего бы тебе его тратить на починку овечьего загона? Если твоя мама узнает, что ты лезешь в воду и лаву, она...

– ...убьет меня, знаю, – прервал он с широкой улыбкой. – Если она узнает, чем я занимался, ей придется убить меня несколько раз. Как думаешь, что разозлит ее больше, лава или вода?

Вот. Он дал ей лазейку. Спроси о блоках. Спроси, где я был. Он думал, что она продолжит расспрашивать, но она лишь погнала нескольких овец в загон, пока другие (Крепыш Бирюза, Старик Бирюза, Светлая Бирюза и Ничего Что Ты Серая Я Тебя Все Равно Люблю или Ничего, для краткости) настороженно за ними наблюдали. Большинство овец избегали заходить в воду – и тех, кто воды не избегал. Но Яблочко и Маленький принц не обращали на них никакого внимания и жевали зерно, пока с них капала на траву вода. Воздух запах мокрой шерстью.

Элисон достала из рюкзака лопату и начала копать у ограды. Макс застонал. К ней вернулась целеустремленность.

– Если тебе скучно, можешь мне помочь, – она кинула лопату ему, а себе достала еще одну. – Папа всегда говорил, что рвы уродливые. Но я думаю, что это самый легкий способ удержать их в загоне.

Несколько секунд Макс осматривал искусно сделанную лопату, которую кинула ему Элисон. В свободное от беготни за овцами время она с головой ныряла в крафтинг, с каждым днем создавая все более качественные инструменты. Она немного интересовалась и броней, но лишь когда у них хватало материалов, а хватало их редко.

Макс начал копать – он обошел ограду, и они с Элисон встретились с противоположной стороны, прокопав каждый по рву в один блок шириной.

– Ты заполнишь ее водой? Ой, нет, лучше лавой! – сказал он с широкой улыбкой.

– Не сегодня, – ответила она, отложив инструменты. – Пока сойдет и ров. – Она выпрыгнула из него и со вздохом отряхнула руки. А затем повернулась к Макс. – Итак. Где ты нашел эти блоки? Я знаю, что ты их не намайнил – у тебя нет алмазной кирки.

Да! Ей интересно! Он усмехнулся, как ему казалось, хитро и озорно.

– Скоро узнаешь. И я надеялся получить алмазную кирку от тебя.

Она пошла к дому Макса.

– Чтобы майнить обсидиан, нужна алмазная кирка. Чтобы сделать алмазную кирку, нужны алмазы. Надо раздобыть их – и иметь при себе железную кирку.

– Еще и зачарованную, знаю, – закатил глаза Макс. Она это уже говорила. Он знал, что из них вышла бы отличная команда: она бы крафтила, а он зачаровывал, – но Элисон почему-то говорила, что с чарами лучше не шутить. – Но, знаешь, если бы представился способ создать железную кирку, то у тебя бы получилось. Только и всего. Еще один шаг к тому, чтобы самим майнить обсидиан.

Стоило ему намекнуть на то, что у него есть нужные материалы для железной кирки, как она воспрянула духом. Через мгновение она со смехом потрясла головой.

– Наверное, я предсказуема. Попросить твою маму захватить для меня немного алмазов, когда она на следующей неделе пойдет в деревню навестить твоего папу? А ты расскажешь мне, где нашел обсидиан для майнинга.

– Про обсидиан я объясню позже, – ответил он. Они уже подходили к его дому, а если мама услышит о майнинге, чарах или о других опасных делах, например, о том, чтобы дышать на улице, ее опять удар хватит.

Макс немного расслабился. Он все же смог заставить Элисон улыбаться, а для этого в последнее время требовалось все больше и больше усилий. Но он не мог винить ее за скорбь по семье. Несколько месяцев назад и в его семье случились кое-какие неприятные перемены, к которым он нескоро привык.

К тому же, он никак не ожидал, что Элисон, по сути, станет ему сводной сестрой. Ты ждешь от дружбы прогулок, приключений и совместных побегов от зомби, если вы задержались допоздна. Ты не ждешь, что друг станет жить с тобой в одном доме после ужасающего происшествия – например, после того, как потеряет семью и кров из-за неожиданного нападения криперов.

Но Макс был благодарен, когда Элисон вошла в их семью. За несколько недель до этой трагедии он чуть не утонул, пока плавал в бухте, и с тех самых пор мама душила его своей заботой. Даже построила на заднем дворе сарай, чтобы хранить все свои жидкости подальше от дома, и это, по мнению Макса, был уже немножечко перебор, но этого он ей не говорил. Когда к ним присоединилась пораженная, убитая горем Элисон, мама смогла направить всю свою заботу на нее, дав Макс. спокойно прийти в себя. Лучшим и худшим моментом стало то, что мама воспринимала Элисон как старшую сестру-няньку: худшим, потому что, серьезно, нянчиться с Максом не надо, а лучшим, потому что ему наконец разрешили выходить из дома, да еще с лучшим другом.

Сам он уже оправился от того случая, когда чуть не утонул, но Элисон по понятным причинам все еще иногда грустила по потерянным родным. В такие моменты Макс, как мог, отвлекал ее: например, ломал ограду, чтобы овцы сбежали и у Элисон появилась решаемая проблема вместо направленной в пустоту бушующей скорби.

Конечно, он бы никогда не признался, что ограда – его рук дело. Вдруг разозлится.

* * *

Когда к ним въехала Элисон, мама Макса, архитектор, поприветствовала ее башенкой, которую пристроила к задней стене дома. Так у Элисон появилось место, в котором можно укрыться, если хочется побыть одной, место круче и лучше обычной старой спальни. Временами Макс старался прятать свою зависть; родители никогда и не думали о том, чтобы пустить великолепные навыки архитекторов на создание необычного местечка для него. А потом вспоминал, через что прошла Элисон, почему ей нужно было убежище, и грусть отступала.

Немного.

После заварушки со сбежавшими овцами и ужина, за которым Элисон и Макс заверили его маму, что и они, и овцы в полном порядке, он удостоверился, что мама спит, и пробрался к двери в башенку Элисон. Тихо постучал.

Лицо выглянувшей Элисон было перемазано углем.

– Что?

– Что крафтишь? – с живым интересом спросил он, тут же позабыв, зачем пришел.

– Тс-с, заходи, – ответила она. Он быстро оглянулся через плечо и пошел за ней. Вместо того, чтобы подняться, Элисон подошла к дверце под лестницей и открыла ее. Та вела прямо на склон холма за домом Макса; они с Элисон частенько расчищали место под секретный форт для крафта.

В форте стоял станок, который Макс сделал для нее вскоре после ее переезда. Она казалась вялой и очень несчастной, так что, в конце концов, Макс попросил ее отвлечь маму на пятнадцать минут. Элисон расспрашивала что-то о строительстве в воздухе, в чем его мама была большая мастерица, и пока она говорила, Макс проскользнул в сарай к мамину станку. Позднее тем же вечером он подарил Элисон новый станок и несколько простейших инструментов, и она улыбнулась – впервые с тех пор, как к ним переехала.

С тех пор у нее было, чем себя занять, чем отвлечься от бесцельного шатания и грусти. Они сразу же начали собирать камень и дерево, выясняя, что могут смастерить. Вскоре они построили собственную мастерскую в секретной пещере, которую выкопали под башней.

С того дня Элисон принаровилась к крафту, починке и улучшению вещей. Сегодня Макс увидел, что в их мастерской с того дня Элисон весьма поднаторела в создании, починке и улучшении предметов. Сегодня Макс увидел их мастерскую забитой новыми предметами. Элисон работала с самого ужина! На столе лежали новые лопаты, топоры, кирки, удочки и ведра. Она взяла в руки кирку и гордо протянула ее Макс.

– Я нашла немного железа, – сказала она. – А теперь найди мне немного алмазов, и я сделаю тебе алмазную кирку.

– Ты ходила майнить железо без меня? – возмущенно спросил он. – Но почему?

Ее лицо помрачнело, она смерила его сердитым взглядом.

– Чтобы сделать тебе сюрприз – новую кирку, неблагодарный ты дурень, – она повернулась к нему спиной и начала складывать инструменты со станка в сундук.

Его негодование поутихло.

– Спасибо, – пробормотал он. Желая сменить тему, он подошел к сундуку, в котором они обычно хранили ресурсы. – Ну так, эм, что ты еще нашла?

Она ответила не сразу, так что он открыл сундук и посмотрел на его содержимое. За время своего похода ей удалось отыскать железо, песок и уголь, но она не обнаружила ничего из дорогих блоков, о которых он только слышал от бывалых шахтеров: золото, изумруд, алмаз или лазурит.

– Тебе надо заменить мамины инструменты новыми до того, как она проснется, – сказала Элисон, все еще не глядя на него. Они тайно улучшали мамины инструменты и заменяли сло-

манные. Так у них оставалось место на хранение других штук, которые Элисон изготавливала ради одного лишь опыта.

Он точно задел ее за живое, но не до конца понимал, чем.

– Эй, Эли, прости. Просто мне нравится майнить вместе, вот и все. Не люблю упускать момент.

Она потерла щеку, так же, как, помнится, делала ее мама, и снова повернулась к нему.

– Я знаю. Но... – она сглотнула и продолжила: – Мой папа всегда злился и говорил, будто я не ценю то, что он для меня делает. Я думала, он просто вредничает. Но теперь понимаю, как он себя чувствует. То есть, чувствовал. И не могу перед ним извиниться.

Макса переполнил стыд, у него загорелись уши. Он посмотрел на пораженную горем подругу, промямлил слова благодарности и, взяв подаренные инструменты, оставил ее плакать в одиночестве.

Что лишь заставило его стыдиться еще больше. Почему он не мог просто сказать спасибо за ее подарок? Он хорошо умел отвлекать ее: выпускал овец, дарил подарки сам. Но он знал, что иногда Элисон нужно, чтобы он просто выслушал ее, когда она чувствовала себя несчастной и брошенной, а это для него было самым трудным.

Глава 3

Когда жизнь дарит тебе лаву, делай лавовый сок

Ночью Элисон размышляла о том, как странно понимать обе стороны конфликта. Она помнила, как обижалась на отца, если он на нее огрызался, но теперь знала, что чувствуешь, когда делаешь кому-то добро, а тот отмахивается, словно от вчерашней свинной отбивной. Она не могла уснуть, а потому вылезла из постели и смотрела, как внизу под окнами бродит по поляне скелет.

Она спустилась в мастерскую и проверила запасы. Железа осталось как раз на кирку для себя, так что теперь они с Максом будут майнить вместе, гораздо быстрее. Она достала тщательно нарисованную ею карту. Дом и башню она разместила на холме и подсчитала его общую величину.

Она обнаружила жилы угля и железа, отметила их местоположение. Она считала, что если они пойдут на запад, за тыквенную ферму мамы Макса, то смогут найти и блоки получше. Макс у нее карту еще не показывала, но, может быть, покажет завтра. Если они помирятся, вот.

Кирка лежала на станке – крепкая и искусно сделанная. Элисон провела по ней рукой, гордясь своим мастерством. Она никогда всерьез не думала, что разведение овец или портное дело ей подходят, хоть и любила пушистых негодников, но это – создание инструментов – было ей по вкусу.

Мама Макса еще не заметила, что они потихоньку заменяют ее изношенные инструменты на улучшенные Элисон. Ну или просто ничего не говорила. А мама Макса была не из молчунов. Элисон обожала ее за это, пусть даже ее слова, по большей части, были связаны с чрезмерной заботой о Максе. Слишком уж часто Элисон не озвучивала своих мыслей. *И даже спустя несколько месяцев после случившегося можно подумать, будто мне плевать, что я говорю людям.*

Чего она боится? Она уже и так потеряла почти все, что имела. Но ответ был очевиден: у нее остались лишь дружба с Максом и гостеприимство его семьи. Она бы не перенесла, потеряй и это.

* * *

На следующее утро мама Макса произнесла заветные слова:

– Сегодня я пойду навестить в деревне твоего отца. Не покидайте дом.

В семье Макса все было устроено странно: его мама работала над архитектурскими проектами дома, а его папа уже несколько месяцев жил в городе, руководя постройкой огромного здания. Когда Элисон спросила об этом маму Макса, та напряглась и ответила, что он работает сверхурочно, а затем сменила тему. Выглядело так, словно она скрывает что-то от Элисон.

Макс тоже не любил говорить о том, почему его родители живут и работают отдельно друг от друга, избегая отвечать на вопросы Элисон, и она удивлялась, почему они оба становятся такими мрачными и скрытными. Семья Макса всегда казалась ей большой, счастливой и шумной, они часто бывали в гостях у семьи Элисон на ужинах. Иногда они приводили с собой тетюшек и дядюшек Макса – дядюшки Николас и Максимилиан, как и тетюшка Горти, тоже жили неподалеку. Когда приходил дядя Николас, бабуля Дия жаловалась и ссорилась с ним, они друг другу перечили, но мама Элисон всегда говорила, что их семьи очень близки – не только несмотря на пререкания старших, но и благодаря им. Элисон совершенно этого не понимала, но скучала по тем временам.

Очевидно, она не знала все подробности нынешней жизни семьи Макса, но она не собиралась давить на Макса, если тот не желал рассказывать. Элисон знала, что Макс очень умеет делиться переживаниями, а потому ждала, пока он соберется с мыслями. А они тем временем отправятся за приключениями.

– Вы уверены, что путешествовать в одиночку безопасно? – спросила Элисон у мамы Макса.

Та озадаченно улыбнулась.

– Конечно. Я каждый раз добираюсь одна, когда Макс в школе.

Элисон потупила взгляд.

– Я знаю. Просто... там есть опасные mobs.

– А. Понятно, – ответила мама Макса. – Ну, не волнуйся за меня, милая. Я прекрасно справлюсь самостоятельно. Кроме того, я вернусь еще до заката.

Она похлопала Элисон по плечу и продолжила собирать вещи в дорогу. Элисон подавила волну страха, поднимавшуюся внутри от мысли, что мама Макса будет на дороге одна.

Она вернется еще до заката, повторила она про себя, *все будет хорошо*.

Пока мама Макса суежилась на кухне, собирая припасы для долгого путешествия в деревню, Элисон и Макс, сидевшие за столом, встретились взглядами и, немедленно помирившись, безмолвно условились следовать привычному плану. Они еще несколько недель назад договорились, что если станут майнить склон холма за домом, то *формально* дом не покинут. Они ведь просто расчищают место, на котором можно достроить новые комнаты для башни Элисон, верно?

– Она точно купится, – уверенно заявил Макс, но Элисон его уверенность не разделяла. И все же соблазн создать еще больше полезных вещей был слишком велик, чтобы его подавить.

Они помогли маме Макса нагрузить их ослицу Франсин свернутыми в трубки чертежами и кое-какой едой в дорогу, а затем выпроводили ее прочь с обещанием оставаться «внутри». Его мама ненадолго остановилась проверить, как растут тыквы.

Мама Макса часто говорила о том, как славно плодоносил в этом году ее сад, но сокрушалась, что тыквы еще недостаточно подросли для продажи на рынке. Она наклонилась и заботливо похлопала одну из них по боку, убеждая, что в следующий раз возьмет ее с собой в город.

Макс в ответ на это закатил глаза. Элисон знала, что он ненавидит тыквы и любые блюда с ними, но Элисон ела их нечасто, а потому все еще наслаждалась семейными блюдами, в которые клала их мама Макса.

Она выпрямилась и бросила хмурый взгляд на густые заросли деревьев между садом и холмом за домом.

– Надо подрезать их, когда вернусь, – сказала она. – Но сами ничего не делайте, дождитесь меня.

И с этими словами она отправилась в путь.

– Берегите себя! – крикнула ей вслед Элисон.

– Ну наконец-то! – выпалил Макс, когда его мама направилась вниз по дороге, ведя за собой Франсин. – Ушла.

Он побежал через холл к своей комнате и вернулся, держа в руках пару факелов и свою новенькую кирку.

– Я работала над картой, – сказала Элисон, вынимая ее из кармана. – Пока мы докопались до этого места – и я считаю, лучше идти сюда.

Она указала рукой на местечко за тыквенной бахчой:

– Думаю, зайди мы на несколько блоков дальше, чем раньше, обнаружим кое-что получше.

– Так идем! – откликнулся он, направившись к двери.

– Погоди-ка – а что, если мы найдем там что-то плохое? – спросила Элисон. Она всегда это спрашивала, потому что знала: наткнуться на пещеру, полную скелетов или зомби, легче, чем на расположенную так близко к поверхности золотую жилу.

– Мы сбежим, – сказал он, как всегда, с ухмылкой.

* * *

Элисон майнила, как муравей. Макс майнил, как кузнечик. Она работала методично и осторожно, а он копал там, где хотел.

Элисон всегда следовала системе рядов: двигалась вперед на шестнадцать блоков, поворачивала в сторону на два, а затем – обратно на шестнадцать. А если решала копать глубже, то всегда делала это с большой осторожностью, под наклоном, никогда не майня строго вниз.

Каждый раз, проходя этими тропинками, она подумывала изготовить несколько лестниц, но по вечерам ее ноги не болели от прыжков по блокам, и она считала это тратой времени и ресурсов.

Макс просто копал.

Когда они только начинали раскопки, Элисон приходилось немедленно останавливать его, когда он начинал копать вниз напрямую, и указывать ему, что он не знает, в какую пещеру можно провалиться, напоминать, что если он упадет, будет сложно выбраться. Затем Макс продемонстрировал ей, что отточил навык подпрыгивать и ставить под собой блоки, строя колонну и так выбираясь из колодца, который мог выкопать. Однажды подобное проделала старшая сестра Элисон, Декстра – и незамедлительно свалилась вниз, да так, что потребовалась помощь доктора. Увидев этот трюк снова, она так расстроилась, что не разговаривала с Максом до конца дня.

По крайней мере, собиралась – а потом увидела из окна статую овцы, которую он построил из блоков красной шерсти. У статуи была глупая мордочка, до странного напоминавшая ей ее овцу Яблочко.

Теперь Макс больше никогда не копал прямо под собой.

Попав внутрь холма, Элисон сверилась с картой при свете прикрепленного к стене факела.

– Чтобы оказаться под фермой, нам надо копать в этом направлении, – сказала она, и Макс начал долбить блоки вокруг себя, создавая в холме дыру побольше. Она вздохнула и спустилась на несколько блоков ниже и начала копать следующий ряд.

Макс вилял туда и сюда по своему туннелю, перечеркивая ее ряд и радостно вопя каждый раз, когда находил что-то кроме грязи и камней. Элисон работала осторожно, сжимая зубы и следуя строгой системе, делая пометки на карте. В конце придется пройти через беспорядочную чехарду туннелей Макса и попробовать занести на их карту.

Она все еще копала и думала о карте, когда произошли сразу три вещи:

1: Макс закричал, что зашел слишком далеко и прокопался до поверхности холма гораздо выше тыквенной бахчи. Элисон краем глаза увидела солнечный свет и повернулась посмотреть, что Макс там делает.

2: Ее железная кирка легко пробила блок песчаника перед ней, и она, не задумываясь, продолжила майнить, пока оглядывалась. Она открыла рот, чтобы крикнуть ему заткнуть дыру, иначе его мама поймет, что они копают, но ее охватили идущие из проема жар и красное сияние. Она прикрыла глаза рукой и попятилась, глаза обожгло болью.

3: В стену справа от нее вонзилась стрела. Она наткнулась на пещеру, полную лавы, как минимум с одним вооруженным луком скелетом. За первой стрелой полетели еще две. *Ясно, там точно больше одного скелета*, – признала она.

* * *

Она повалилась на спину, и в эту же секунду Макс вновь окликнул ее по имени.

– Эли, ты меня слышишь? Я нашел тыквенную бахчу! Мы прямо над ней!

Из пещеры начала сочиться лава, в стену за ее спиной вошли еще несколько стрел. Скелеты пошли к ней, избегая наступать в лаву, но явно желая наказать ее за то, что она вломилась в их дом без приглашения.

Элисон поднялась на ноги. В последний раз взглянув на приближавшихся скелетов, она повернулась и понеслась к Макс. Не дав ему возможности задать ни одного вопроса, она схватила его за руку и побежала к выкопанной им дыре.

* * *

– Может, она не заметит, – сказал Макс, смотря вниз.

Они смотрели на тыквенную бахчу, надежно спрятавшись на вершине дерева в дубовой роще, которую хотела вырубить мама Макса.

Спрятавшись в тених, ферму патрулировали не меньше двадцати скелетов. Они избегали центра бахчи, который превратился в дымящееся озеро лавы, от которого пахло стгоревшим тыквенным пирогом. Они плелись прямо в направлении Элисон и Макса – единственной хорошей новостью было то, что они не видели детей за ветвями.

– Такое она не заметит только в том случае, если ты опять чуть не утонешь, – откликнулась Элисон, прижимавшая колени к подбородку. – Думаешь, можно это устроить?

Макс бросил на нее сердитый взгляд.

– Это не я открыл проход к лаве, скелетам, огню и боли! И почему ты просто не заткнула дыру? У тебя же с собой достаточно блоков, или нет?

– Посмотрим, как быстро будешь соображать *ты*, когда станешь уворачиваться от стрел и потоков лавы! – возразила Элисон. – Я просто пыталась выбраться!

– Признай, Эли, ты открыла проход в пещеру, и теперь мамина тыквенная бахча пропала, – сказал Макс.

– Это ты прокопал проход в холме, – возразила она, но ее словам не хватало уверенности. Ее разрывало от гнева на Макса и страха, что он может оказаться прав. Что будет, когда его мама вернется домой? Она накажет Макса, выгонит ее прочь? Как она могла так подорвать доверие приютивших ее людей?

– Мы можем избавиться от скелетов до ее прихода, – задумчиво сказал Макс. – Тогда останется лишь разобраться с лавой.

– Сражаться со скелетами. В лаве. Да ты и с овцой справиться не можешь! – ответила Элисон.

Макс покраснел. Эли не часто припоминала ему случай, когда Окей боднула его в спину и пихнула в корыто с водой, но если уж припоминала, это действовало. Он хвастался тем, что хорошо ладит с овцами, но эта его не любила – и как могла демонстрировала свою неприязнь.

– Я просто не хотел, чтобы ты тем вечером объясняла отцу, откуда у тебя столько шерсти и баранины, – проворчал он.

– К тому же, – сказала она, – у нас нет оружия. Что нам делать, кидаться в скелетов грязью?

Макс поднял кирку.

– Я не сказал, что надо сражаться со скелетами. Я сказал, мы можем от них избавиться. – И он начал рубить ветви дерева.

Элисон с гордостью осознала, что неплохо поработала над киркой: она выглядела почти как новенькая. После их попыток сражаться со скелетами в лаве из нее получится приличное надгробие над их могилами, подумала она мрачно.

Из прорех в кроне деревьев начал пробиваться и падать на патрулирующих скелетов солнечный свет.

Глава 4

Лаву застрелить нельзя

Макс рубил ветви дерева киркой. Он предпочел бы обычный топор, но предполагал, что, попроси он сейчас Эли что-то смастерить, она бы сбросила его вниз за то, что он ее беспокоит.

Чем дольше он рубил, тем меньше становилось пятно тени, и скелетам приходилось выбирать между тем, чтобы отступить в лаву или тем, чтобы выступить на свет. Макс довольно завопил, когда первый из них оказался за кругом спасительной тени, попав под лучи дневного солнца. Он загорелся и принялся, набрав скорость, испуганно носиться по округе в поисках другого тенистого места.

Вопль Макса перешел в тревожный крик – около его головы просвистела и воткнулась в ветку дерева еще одна стрела.

– Берегись, Эли, они разозлились! – закричал он, продолжая прорубаться через дерево. Солнце катилось к закату: если они не спустятся к тому моменту, как опустится ночь, скелеты так и продолжат свободно бродить вокруг фермы.

И тогда, наверное, вернется домой его мама. Его настолько переполнил страх быть пойманным и наказанным, что он не подумал о по-настоящему серьезной опасности, появившейся из-за них. Может, наказание – самый лучший исход, ведь при худшем его маму подкараулит на обратном пути целая толпа монстров.

– Надо избавиться от них прежде, чем вернется мама! – закричал он и начал рубить быстрее.

Эли позади больше не было. Он подумал, что, она, наверное, прячется в ветвях, спасаясь от новых стрел. Значит, ему придется выручать их обоих.

Его усилия были вознаграждены: еще несколько скелетов загорелись, а кое-кто забрел в лаву, но дело двигалось слишком медленно, он проигрывал гонку с солнцем, и ему казалось, что он уже слышит на дороге крик ослицы.

– Элисон? Помогите! – взмолился он, когда первый скелет выступил из безопасной тени дерева на рассеянный свет... и остался невредим. Солнце уже опустилось достаточно низко, и они могли без опаски выходить из своих укрытий.

Другие скелеты последовали примеру первого и тоже вышли в поисках лучшего места для новых выстрелов по Максусу.

Он повернулся, чтобы отпрыгнуть в листву и спрятаться рядом с Элисон, но та стояла прямо позади – и сжимала что-то в руках.

– Вот, – сказала она, прижав вещь к его груди. Это был лук.

Другой рукой она подала ему три стрелы.

– Осторожнее, это все, что есть, – она подняла еще одну горсть стрел. – Я могу лишь подбирать те, которыми они в нас стреляют. Пока мы не слезем с дерева, новые сделать я не смогу.

Она вскинула лук и прицелилась. В этом году на школьных занятиях их учили стрельбе из лука, но ни один из них совершенства так и не достиг. Да и не так уж им это было интересно: Эли посвящала свое время созданию предметов и выведению овец, а Макс – истории и архитектуре, как и все в его семье. Но научиться самообороне было необходимо – на случай, если они столкнутся со скелетами, зомби или криперами.

Стрела тренькнула и пролетела дальше цели. Скелет, в которого она метила, обратил на нее внимание и выстрелил в ответ. Она пригнулась.

– Спасибо! – крикнула она ему, хватая стрелу, попавшую в ветку вместо тела. Она выстрелила снова. И на этот раз попала в яблочко, прошив насквозь черепушку скелета, который рухнул от удара.

– Хороший выстрел! – крикнул Макс, вспоминая, что надо бы и самому вскинуть лук.

Медленно выньте стрелу, натяните тетиву до самого лица и не забывайте дышать. Вот что говорил им учитель – тогда он посчитал его советы странным. Но стоило ему нарушить хоть один из трех, как стрелы летели мимо: одна из них угодила в его одноклассника, и тот отправился к медсестре за зельем, а Макс – к директору за наказанием.

Не думайте об этом. Думайте о стреле. Есть только стрела, вы и ваша цель.

Эли подстрелила еще одного скелета. Осталось еще трое – и целых три стрелы в руках у Макса. Взяв одну из них, он вложил ее в лук и натянул тетиву так сильно, как мог, медленно дыша и выбирая цель. *Этот.* Он прицелился в залитого лавовым сиянием скелета.

Макс спустил тетиву, и стрела прилетела тому прямо в грудь, заставив его ничком рухнуть в лаву, где его стремительно объял огонь.

– Еще двое! – крикнула Эли. – Пока они снова по нам не выстрелят, я стрел не получу. Все в твоих руках!

Макс хотел огрызнуться или хотя бы ответить бравой тирадой, но на это не было времени. Один скелет уже поднимал лук, целясь в Макса. Тот быстро наложил еще одну стрелу и пустил ее в полет, думая лишь о своей цели.

Стрела попала скелету в глазницу, и тот упал, так и не успев выстрелить сам. Эли радостно завопила – Макс не слышал от нее настолько оживленных криков с тех пор, как она к ним переехала. Осталась одна стрела. Макс с усмешкой прицелился в последнего скелета.

Тот целился не в них. Его внимание привлекло что-то на земле. Макс напрягся, натянул тетиву и приготовился застрелить последнего, чтобы потом похвастаться этим за ужином. Он даже знал, что скажет.

– МАКС! ЧТО, ВО ИМЯ ВЕРХНЕГО МИРА, ТЫ ТВОРИШЬ?

Мама вернулась.

Последняя стрела полетела мимо цели и воткнулась в холм, из которого и появились все их проблемы.

* * *

Гнев мамы Макса затмил и лаву, и скелетов. Она с яростным криком выхватила из мешка, что несла на себе Франсин, лопату и, ударив со всей силы, снесла последнему скелету череп. Тот с грохотом свалился на землю.

Она приказала Эли и Максу слезть с дерева и проверила, не ранены ли они – чем больше она уверялась в том, что они невредимы, тем суровее становился осмотр.

Удовлетворенная результатом, она отступила на шаг и вытянула руки.

– Луки, – потребовала она. Они безмолвно отдали их ей. Макс скосил глаза на Элисон: ее глаза расширились от страха, и он задумался, не выглядит ли так же и сам.

– Кирки! – скомандовала мама, и он, неохотно вытащив свою, отдал ее. Он ведь толком и поработать ей не успел, и вот ее забрали. Просто на тот случай, если у них остались еще инструменты, мама Макса открыла их рюкзаки. Отобрала их лопаты, факелы, все, что они успели намайнить, и дерево, которое Элисон собрала, пока они сидели на дереве.

– Откуда у вас эти инструменты? – строго спросила она. Дети переглянулись, Элисон легонько покачала головой. Нужно было врать.

Он пожал плечами и ответил первое, что пришло в голову.

– Нашли. В лесу.

– В заброшенной хижине, – добавила Элисон, когда мама Макса бросила на него недоверчивый взгляд.

Макс тут же вздрогнул. Не стоило Элисон этого говорить. Его мама знала кое-кого из тех, кто недавно оставил после себя заброшенную хижину – и она бы не обрадовалась, подумай она, что Макс там околачивается.

Мама Макса, шумно дыша, переводила взгляд с одного на другого, и Элисон даже отступила от нее на шаг.

– Не в той хижине, мам, – заверил Макс, не обращая внимания на сбитую с толку Элисон. – Эта неподалеку от овечьего загона Эли.

Мама Макса прижала ладонь к лицу и тяжело вздохнула, с усталостью потирая лоб.

– Идите в дом. В комнату Макса, оба. Элисон, я не хочу, чтобы ты возвращалась в башню, пока я уверюсь, что в ней нет других инструментов.

Найдет ли она дверь, которую скрафтила Элисон? Они с Максом с ужасом переглянулись. Мама была строителем: может, она и не могла без труда пересчитать слоняющихся по округе овец или поймать сбежавшее животное, но архитектуру она знала. Если она найдет дверь в их секретную мастерскую, все будет кончено.

Они еле заметно кивнули ей и побежали к дому.

Элисон и Макс стояли у окна и смотрели, как мама Макса расставляет в саду факелы и начинает копать траншею, чтобы остановить вялый поток лавы.

– Все плохо, а когда она найдет нашу мастерскую, станет еще хуже, – сказал Макс.

– Скоро вернусь, – шепнула Элисон, а затем выбежала из комнаты.

Макс остался у окна, надеясь, что Элисон, что бы она ни задумала, справится с этим быстро. Не стоит нарушать наказания матери, когда и так схлопотал наказание за то, что уже их нарушил. Это запустит цикл наказаний, который запрет его в комнате лет до тридцати.

Он смотрел, как работает мама, и чувствовал целую смесь негодования из-за того, что она все отобрала, и вины – из-за того, что он явно дал ей для этого серьезный повод.

– Заблокировала дверь, – тяжело дыша, произнесла ввалившаяся в спальню Эли. – Скорее всего, она ее не найдет – если только не начнет копать стену.

– Она *архитектор*, – ответил Макс, понимая, что они поменялись ролями: Элисон сказала какую-то глупость, а он трезво указал на очевидное. – Думаешь, я не пробовал раньше прятать вещи в стенах?

– И что, будем спокойно ждать, пока твоя мама нас не выгонит? – спросила Элисон, вставая рядом с ним у окна. Солнце садилось, траншея удлинялась, а за кругом света начинали завывать мобы. Маму Макса они, кажется, ничуть не беспокоили, и Макс знал, что если у кого-то хватит глупости сейчас на нее напасть, его сметет волной ее гнева.

– Мы будем ждать – но я не знаю, чего, – ответил он. – Я никогда не видел ее такой рассерженной. Когда я чуть не утонул, она хотя бы беспокоилась обо мне. А сейчас просто рассержена. Может быть, надо было позволить одному из скелетов в меня попасть.

Элисон бросила на него сердитый взгляд, и Макс почувствовал облегчение от того, что все вернулось на свои места, и это он снова говорил странности.

– Наверное, мы ничего не можем поделать, пока она не скажет, как собирается нас наказать, – предположила Элисон.

– Все-то ты по правилам делаешь, – сказал Макс, шлепнувшись на кровать. – Следуешь им, как одна из твоих овец.

Она смерила его тяжелым взглядом.

– Ты, видимо, ничего не знаешь об овцах. Они не слушают никого, кроме вожака. Не быть тебе пастухом.

– Что за вожак? – спросил он нахмурившись.

– Баран, за которым идут все овцы. Обычно самый старший в стаде.

– О, – откликнулся он. – А как овцы противятся вожаку?

– Тебе меня в это не втянуть, – нетерпеливо отрезала она. – Мы не можем противиться тому, чего не знаем. Ты решишь сбежать из дома, подумав, будто она тебя выгонит, а она всего-то заставит тебя заново высадить тыквы.

– Ты просто не знаешь ее так, как я, – проворчал он.

– Знаю, – она снова выглянула из окна. – Она устала. Надо ей помочь.

– Ты правда думаешь, что это нам поможет? – спросил Макс.

– Я не говорила, что это поможет *нам*, я сказала, надо помочь ей, – она вздохнула. – Но ты прав. От этого, наверное, будет больше вреда, чем пользы.

– Поверь мне, сейчас ей просто нужно остыть, – сказал Макс, смотря в потолок.

Чем ниже опускалось солнце, тем тусклее становился свет.

– Тут слишком темно, – объявила Элисон. – Она возвращается. Идем выясним, с чем мы имеем дело.

Элисон повернулась к двери и сделала несколько шагов по направлению к ней, а потом остановилась.

– Ах да, если бы я и *была* овцой, – добавила она, – я была бы вожаком.

* * *

Зашедшая в дом мама Макса почему-то была в хорошем расположении духа. Она, насвистывая, убрала инструменты и, напевая, осмотрела комнаты Элисон. На секретную мастерскую она не обратила никакого внимания.

На ужин был сгоревший тыквенный пирог. Элисон и Макс во все глаза смотрели на женщину, которая выглядела точь-в-точь как мама Макса, но быть ей точно не могла: она не причитала о безопасности Макса и не кричала на них из-за глупых ошибок. Она оживленно беседовала с ними – точнее, говорила сама, пока они таращили на нее глаза, ожидая наказания.

– Когда я была маленькой, – сказала она, – я рубила дерево, чтобы собрать дрова, и выпустила на волю кучу пауков. – Она сделала паузу, чтобы откусить еще кусочек пирога, и продолжила: – Они падали мне на голову, отскакивали, носились повсюду – некоторые кусали меня.

Она фыркнула.

– Я так испугалась, что закричала. – Она посмотрела им в глаза, чтобы они поняли всю серьезность ее слов. – Я была лучшей ученицей архитектора. И кричала из-за кучки пауков. – Она сделала глубокий вдох. – В итоге я раздавила их лопатой, стараясь не ударить в грязь лицом. Я просто кинулась на них, размахивая лопатой, давя все, что двигалось. Наверно, я причинила больше вреда, чем пользы – просто потому, что не хотела выглядеть глупо. Такой беспорядок устроила – но школьный завхоз был очень рад получить кучу шелка для луков.

– Эм... – протянул Макс.

– Это... здорово? – сказала Элисон.

– Сегодня вы оба проявили смекалку. Вы защитили себя. Прорубить крону дерева – отличное решение, Макс, а твои луки, Элисон, были сделаны на славу – и, вероятно, спасли вас обоих, а если подумать, то и меня. Я хочу сказать, что горжусь вами, – сказала она. И откусила еще кусок пирога. – Не поймите меня неправильно, я в ярости. Не знаю, зачем вы копали под холмом, и понятия не имею, откуда у вас эти инструменты. Я заберу их – и все остальное, что найду. Завтра вы очистите сад от лавы, снова обработаете землю и посадите новые тыквы.

Макс помрачнел. Он действительно думал, что непривычно хорошее для мамы настроение означало, что они вне опасности.

Элисон прочистила горло.

– Пещера, которую я нашла под холмом. Что, если в ней снова появятся скелеты? Проход все еще открыт.

– Ну, как только вы принесете в сад достаточно воды из бухты, чтобы охладить лаву, у вас появится булыжник, чтобы заткнуть дыру в холме, не так ли? – как бы между прочим спросила его мама.

Макс подумал о том, как станет ходить туда-сюда, носить воду, а потом добывать булыжник, и застонал.

– Эй, мам, я думал, ты хочешь, чтобы я держался подальше от воды, – сказал он, задрав брови.

– Ну, это было до того, как ты ввязался в приключение с лавой и скелетами, – произнесла она любезным тоном. – Я уверена, что ведро воды тебя не убьет.

Макс поморщился. С этим он поспорить не мог. Несмотря на то, что он получил наказание, потерял инструменты и должен был восстановить бахчу, Макс испытывал странное чувство радости – его мама, казалось, перестала так трястись о его безопасности. Во всяком случае, когда дело касалось воды. Испуг в ее взгляде не исчез, но она понимала, что эта опасность не чета тому, с чем он столкнулся в воде.

Случаи очень разнились. Может быть, он мог бы упомянуть воду в разговоре с мамой, а может быть, когда-нибудь в будущем она даже посмеется бы над лавой и скелетами – но если бы она знала, что он прячет в их секретной мастерской, она, вероятно, была бы намного, намного злее.

Даже Элисон не знала о том, что он спрятал в стене их мастерской. Но Макс понимал, что рано или поздно ему придется сказать ей об этом.

А пока лучше всего было бы эту вещь перепрятать. Что до того, чтобы поведать о ней Эли? Макс остановился на варианте «поздно».

* * *

Больше так нельзя.

Элисон лежала на кровати и сквозь стеклянную крышу смотрела на Луну, плывущую по небу. Она не могла рисковать единственным домом, который у нее остался.

Конечно, мама Макса не угрожала ее выгнать, но Элисон не знала, после какой проделки у нее лопнет терпение.

Но даже лежа в постели и пытаясь убедить себя больше не нарушать правила, она все еще скучала по крафтингу и пыталась придумать, как продолжать делать инструменты, не попадая при этом в неприятности. Даже если им запретили копать под холмом, мама Макса не говорила, что Элисон не может улучшать навыки крафтинга. Она попыталась представить себе, как это будет: она могла бы взять инструменты в деревню и обменять их на материалы. Потом использовать эти материалы, чтобы сделать лучшие инструменты. И обменять их на лучшие материалы, чтобы сделать еще больше инструментов для обмена, а потом получить больше материалов...

С ее губ сорвался разочарованный вздох. Она любила крафтить, но это занятие не имело смысла, если не использовать созданные инструменты. В будущем она хотела мастерить вещи еще лучшего качества: в основном доспехи и оружие. Но для этого ей понадобится много материалов. А самый простой способ добыть материалы – намайнить их.

На стеклянный потолок упал и убежал прочь толстый паук. Вздвогнув, Элисон рассмеялась, вспомнив о маме Макса. *«Она сказала, что я хорошо крафчу, что мои луки спасли нас всех от опасности»*, – подумала Элисон. – *«Она сказала, что гордится нами»*.

И тут она решила: если их не могут остановить скелеты и лава, то не сможет ничто. Она была хороша в крафте – так сказала мама Макса! – и хотела продолжать совершенствовать свои навыки, хотела мастерить все лучше и, как всегда мечтала, создавать оружие и доспехи, которые смогут защитить ее любимых.

Мечтая о легендарном оружии и эпических доспехах, она встала с кровати и пробралась вниз по лестнице башни. Дверь в мастерскую была приоткрыта, и ее сердце болезненно сжалось от страха, но внутри был только Макс. Он склонился над сундуком и, казалось, осматривал оставшиеся припасы.

Когда она вошла, он поднял на нее взгляд.

– Долго же ты. Где ты была?

– В постели – и тебе бы надо, – сказала она, прекрасно понимая, что ругает его за то же, ради чего она пришла сюда сама. – Мне не спалось.

– Мне тоже. Ух и разозлилась она!

– У нее на это были веские основания, Макс, – Элисон задумчиво пожевала нижнюю губу. – Поэтому надо вернуться туда в момент, когда она не сможет нас поймать.

Он с удивлением приподнял брови.

– Правда? Я думал, ты решила сдаться и следовать правилам.

Она хотела рассказать ему о своей цели, но вдруг почувствовала себя глупо и поняла, что не хочет ее озвучивать. Так что она лишь пожала плечами.

А большего ему было и не нужно.

– Я выяснил, что у нас достаточно дерева и металла, чтобы ты сделала нам еще инструментов, и мы сможем копать по ночам, – сказал Макс. – Раз уж мама будет пристально следить за нами в течение дня.

– А когда нам спать?

Он пожал плечами.

– Не знаю – но сейчас же ты не спишь, так?

В его словах был смысл. Она скрафтила инструменты, прихватила несколько факелов, и они пошли к холму, собираясь вернуться к работе.

* * *

Настоящая трагедия заключалась в том, что следующая их «неприятность» оказалась совсем не такой страшной, как затопление фермы лавой и нашествие скелетов. На самом деле ошибка была пустяковой.

Они неправильно прочли карту Элисон. Когда они нашли пещеру, Макс вошел внутрь, чтобы проверить, нет ли там мобов, пока Элисон пыталась дорисовать карту. Пещера была большой, по крайней мере, на двадцать блоков в глубину в самой нижней своей точке. Им пришлось бы вырубить несколько ступеней, чтобы осмотреться, но это было не сложно.

Но Максу всегда не терпелось узнать, что же находится на другой стороне, и когда они удостоверились в безопасности пещеры, он настоял на том, чтобы прокопать выход. Элисон недоуменно уставилась на карту – и слишком поздно поняла, где они ошиблись: они оказались гораздо ближе к поверхности, чем думали сначала. Они копнули вверх, и внутрь хлынул солнечный свет.

А за солнечным светом хлынули овцы.

Ребята раскопали основание холма прямо под ранчо. Элисон тут же сообразила, что оно принадлежит мистеру Хатчу, жившему по соседству с ее семьей. Она видела его загон, а за ними – и ее загон для овец, за которым он великодушно согласился присмотреть по ее просьбе. Но больше она ничего разглядеть не успела: испуганные овцы сделали то, что обычно делают испуганные овцы.

Сначала, пораженные внезапным появлением двух вылезших из-под холма людей, они ринулись в противоположном направлении. Пушистые черные и белые хвосты подрагивали перед Элисон, пока овцы пробирались в безопасное место. А потом они, конечно, врезались в стену загона. Не зная, куда бежать, они побежали вдоль ограды, ища выход. И в какой-то

момент вернулись обратно к Макс и Элисон, замерших с глупым видом в проходе, который только что проделали.

Когда они приблизились, Элисон быстро отступила в сторону, а Макс остался около дыры.

– Уйди с дороги! – крикнула Элисон.

– Нельзя позволить им попасть в пещеру, они упадут, и мы их никогда не найдем! – ответил Макс, разведя руки в стороны.

– Но они пробегут по тебе! – Элисон схватила его за руку.

Он стряхнул ее ладонь.

– Овцы меня любят.

Перед Элисон встал выбор: остаться стоять вместе с другом и неминуемо рухнуть с ним вниз или отпрыгнуть в сторону и спастись.

В последний миг осознав, что если она не спасется, то их затоптанные овцами тела никто не найдет, она отпрыгнула. Макс остался, одной вытянутой рукой прикрывая дыру и держа во второй пригоршню зерна.

Возглавлявшая остальных овца, старушка по имени Колокольчик (потому что, как и положено вожаку, она носила колокольчик – мистер Хатч, давая имена овцам, проявлял ту же изобретательность, что и ее отец) выхватила зерно из правой руки Макса и, тут же толкнув его, упала вместе с ним в темноту.

Элисон успела подготовиться; она уже вынула кирку. Она прорубила гранит позади себя и, держась одной рукой, протянула вторую и схватила ладонь Макса. У нее не было сил вытянуть его самостоятельно, но она держалась крепко – и смогла, воспользовавшись толчком от падения Макса, раскачать его так, чтобы тот смог уцепиться и подтянуться.

Пока он цеплялся, в дыру попадало еще несколько овец. Их блеяние эхом отдавалось по всей пещере. Элисон закрепила на стене факел и обеими руками принялась вытягивать Макса.

– Любят тебя овцы, да? – спросила она.

– Заткнись, – отозвался Макс, косясь вниз. – Они вроде в порядке... – добавил он неуверенно.

Овцы упали лишь на четыре блока вниз. Колокольчик хромала, но остальные выглядели целыми. Элисон предположила, что все они упали на Колокольчик и отскочили от нее. Самым трудным сейчас было выпихнуть их обратно и не дать им упасть в расщелину, которую Элисон только что обнаружила на краю пещеры.

– Макс, ты проверял, что там за дыра? – спросила она, указав в нужную сторону.

Макс скосил глаза.

– Нет, я только сейчас ее заметил.

– Значит, там могут быть скелеты, зомби или криперы.

– Или другие овцы, – заспорил Макс.

– Овцы в пещерах не живут! – воскликнула Элисон. Для того, кто заявлял, что хорошо ладит с овцами, он точно знал об этих глупых созданиях недостаточно.

Колокольчик начала паниковать, заблеяла еще громче. Остальные овцы кружили рядом и, приняв этот сигнал, запаниковали вместе с ней. От пещерного эха звук становился только громче.

– Надо вытащить их отсюда, прежде чем нас найдет мистер Хатч, – сказала Элисон. – Давай, нужно построить для них лестницу.

У них не было ни времени, ни средств для постройки настоящей лестницы, так что они попытались справиться с помощью нагромождения блоков, по которым, как они надеялись, поднимутся овцы. Их так называемая лестница получилась шириной в два блока и круто поднималась вверх. К сожалению, все было труднее, чем просто попросить овец пропрыгать по

ней наверх, в их загон. Животные успели испугаться и убежали от Элисон и Макса. Когда те пытались погнать овец к ступеням, они вместо этого сгрудились вниз.

– У тебя осталось зерно? – раздраженно спросила Элисон.

– Нет.

– Ладно. Не дай им подойти к той дыре. А я схожу домой за зерном. Скоро вернусь.

Элисон поднялась на верхнюю ступеньку и прыгнула в загон, где тут же уперлась в крепко сбитого человека. Опасаясь худшего, она подняла глаза.

– Эм. Привет, мистер Хатч. А мы ваших овец нашли.

* * *

Макс сожалел, что игрался с картой Элисон. Ей нужна была еще одна победа, еще одна причина чувствовать себя нужной, и все должно было обойтись без опасностей. Так что он просто «поменял» карту так, чтобы они вылезли наружу на ранчо мистера Хатча. Она бы спасла овец и почувствовала себя героем, вернула себе немного уверенности в себе.

Но все пошло наперекосяк, и Элисон *действительно* стала героем, когда спасла его от падения в пещеру и участи быть погребенным под овцами.

Теперь мама Макса решила не брать пленных. Проблема никак не могла сравниться с нашествием скелетов и лавой в саду, но, видимо, после скелетов и лавы любая совершенная ошибка считается фатальной, горько размышлял Макс.

К счастью, после последнего их приключения он решил перепрятать свой секрет из тайника в мастерской. Раз уж задача восстанавливать сад легла на него, он закопал его под посаженными им тыквами.

Идея оказалась блестящей – в этот раз мама Макса мастерскую нашла. Она забрала их инструменты, их станок и печь и начала методично разбирать башню Элисон на блоки.

Элисон со слезами на глазах спросила, выгонят ли ее из дома, и мама Макса, перестав злиться, спокойно ответила:

– Конечно, нет, милая. Мало что может разозлить меня настолько сильно. Пока ты поспишь в комнате Макса.

И она продолжила разбирать башню.

– Мам, моя комната довольно маленькая, – вмешался Макс. – Почему бы нам обоим не переехать в башню?

Его мама смерила его таким взглядом, что он замолчал.

Оставаясь верной своим словам, она поставила напротив кровати Макса еще одну и начала строить стену посреди его спальни. Она поместила дверь в стене собственной спальни, чтобы Элисон могла зайти и выйти – и чтобы Элисон не смогла прошмыгнуть мимо нее ночью.

– Ведите себя хорошо неделю, – сказала она через открытую дверь севшему на кровать Макс, – и я сделаю вам окно, чтобы вы могли переговариваться. Будете пайнками месяц – и получите дверь. Сможете заслужить доверие за год, и стена исчезнет. А через два я, может быть, снова построю башню.

Год. Два года. За это время может произойти столько всего. Он может умереть от скуки. Но, шлепнувшись на кровать, он подумал, что усвоил урок: маме не по душе раскопки под домом.

На следующее утро он застал Элисон сидящей за столом и загибающей пальцы – он понял, что она считает про себя блоки. Мама стояла у печи спиной к ним и готовила завтрак.

– Что ты задумала? Ты же не собираешься туда вернуться? – спросил он шепотом.

– Я должна.

– Из-за тебя нас посадят в клетку! Просто подожди немного, пока она не остынет. Тебе так необходимо возвращаться, что ты готова ее взбесить?

Элисон залилась краской.

– Я делаю доспех. Я хочу сделать комплект очень, очень хороших доспехов.

– Что? – Макс подумал, что цель эта крутая, но не настолько, чтобы пойти на риск и вызвать гнев его матери. – Но в чем *необходимость* их делать? Почему это так важно? Это для тебя?

Она покачала головой, и он с ужасом увидел, как ее глаза подергиваются пеленой слез. Он в панике бросил взгляд на спину матери и приник ближе к Элисон.

– Что я такого сказал? Что не так?

– Это для нее.

– Для кого? – нахмурившись спросил Макс.

Элисон бросила взгляд на его маму.

– Для нее, – по ее щеке скатилась слеза. – Я не могу потерять еще одного родителя, Макс. Я обязана ей всем. Я хочу, чтобы она была в безопасности, пока путешествует в одиночку. Если я отточу навык крафтинга, то смогу смастерить для нее доспехи, которые она сможет надеть, когда пойдет в город, и этим отблагодарю ее за заботу обо мне.

Макс хотел бы взять ее за руку и успокоить. Хотел закричать, что он вполне уверен: его мама бы предпочла, чтобы Элисон была обычным ребенком и оставалась в безопасности, а не рисковала жизнью, чтобы защитить его маму от воображаемой угрозы. Он хотел расслабиться и попросту удивляться тому, что эта причуда заставляла его послушную подругу преступать правила. А еще он понял, что у них больше общего, чем он думал.

Но вместо этого он передал ей салфетку, чтобы она утерла слезы. Его мама обернулась и поставила на стол тарелку с яйцами.

– Что случилось, Элисон? – спросила она, заметив, что та утирает слезы.

– Все то же, что обычно, – объяснила та, вяло улыбаясь. – Иногда на меня находит.

Мама Макса перегнулась через стол и обняла ее, отчего Элисон заплакала только горше.

* * *

Следующие несколько недель их наказания Элисон ходила до странного тихая, почти так же, как когда она только к ним переехала, одинокая и убитая горем. Макс хотел бы поговорить с ней наедине, но один из них всегда был под маминым надзором. Когда она пошла к мистеру Хатчу, чтобы помочь отыскать овец и заколотить дыры в его ферме, она взяла с собой Элисон.

Когда она отправилась в деревню, она оставила Элисон и Франсин дома и прихватила с собой Макса, заставив его нести ее инвентарь (и это означало, что свой он взять не смог). Да, он повидался с папой и посмотрел на проект, над которым тот работал, но в этот раз встреча с отцом оказалась не в радость – ведь он злился даже больше, чем мама.

Макс спросил Элисон, ходила ли она майнить, когда осталась одна, но та покачала головой.

Их наказание включало в себя помощь маме Макса: Элисон обсуждала с ней детали ее будущих проектов, а Макс нехотя разрабатывал с ней дизайны.

Работы у них хватало, этого не отнять, но они оба были несчастны.

Когда первая неделя прошла, мама Макса сдержала слово и, придя в его спальню с киркой – одной из добротных сделанных железных кирок Элисон, как заметил Макс, – пробила дыру в стене между их комнатами. Им пришлось убрать оставшийся после этого беспорядок, но теперь они наконец-то могли поговорить наедине.

– Я кое-что придумал, – сказал Макс, стоя у окна и смотря на лежащую к нему спиной на кровати Элисон.

– И что? – спросила та без интереса, перевернувшись и уставившись в потолок. – Мне нужно продолжать мастерить вещи. Просто... нужно.

– Я думаю, с ней все будет хорошо, Эли. Помнишь, как она управилась с тем скелетом?
– Что ты придумал? – спросила она, не обращая внимания на его слова. – Для этого надо ждать, пока она перестанет сердиться?

– А, она уже обо всем забыла, – беззаботно махнул он рукой. Сейчас он был слишком взволнован, чтобы беспокоиться о лишнем. – Я хочу тебе кое-что показать.

Элисон прижала подбородок к коленям и свернулась в клубочек.

– Нет, Макс. Она точно не забыла. Она не забудет о том, что мы натворили в саду, и когда мы попадемся в следующий раз, она припомнит нам и овец, и сад. Нам надо быть осторожнее.

– Тут ты права. Но я говорю не о том, чтобы майнить или даже крафтить, – ответил он. На миг он засомневался, а потом просунул сквозь окно книгу, положив ее в проеме, оставшемся после убранного блока. – Я говорю о чем-то гораздо большем.

Этим он хотя бы привлек ее внимание.

* * *

Макс передал книгу через окно с таким благоговением, словно та была очень хрупкой. Обложка дневника была сделана из потрескавшейся коричневой кожи. На обложке кто-то выжег неровный круг с двумя точками в середине, а сама книга выглядела сделанной вручную. Элисон взяла ее в руки и открыла на случайной странице: в заполнявших ее строчках говорилось о каких-то экспериментах автора с зельями.

– Где ты его достал? – спросила она, пробежав пальцами по странице и приглядываясь к зачеркнутым местам.

– В хижине, – ответил он. – Помнишь, ты спрашивала, где я нашел обсидиан, чтобы починить загон твоим овцам? – Она кивнула, все еще поглощенная изучением неаккуратных строк. – А нашел я не только обсидиан.

Она аккуратно перевернула страницу.

– Здесь многое перечеркнуто. И многого не хватает.

– Я думаю, это книга экспериментов – кое-что не сработало.

Элисон вернулась к рецепту зелья, позволяющего дышать под водой.

– Смотри, вот этот для того, чтобы дышать под водой, но я никогда не видела такого рецепта. Не знаю, для чего используют ферментированные паучьи глаза, но точно не для действенных зелий или заклинаний.

Макс нахмурился и, так далеко, как только смог, пролез в окно.

– Я этого не знал.

Ее брови взлетели вверх.

– Макс, это было на уроках базовых зелий. Если ты и этого не знаешь, как можешь интересоваться заклинаниями и зельеварением?

– Уроки были давно – и они были ужасно скучными, – заспорил Макс. – Кроме того, в книге все равно очень много крутых вещей. Читай дальше.

– Ладно – итак, некоторые записанные тут зелья похожи на настоящие. Еще есть кое-какие детальные описания заклинаний. О, а это неплохо. – Макс заставил себя помолчать, пока она читает, и только нетерпеливо перекатывался с носка на пятку. Он надеялся, она сама доберется до лучшей части, и ему не придется ее показывать, но Элисон застряла на странице с описанием того, как зачаровать оружие и броню.

– Макс, ты понимаешь, что с помощью этой книги я могу выковать броню, а ты ее потом зачаруешь? Мы можем зачаровать оружие! – в ее голосе звучали любопытство и оживление, которые, как он знал, появлялись в нем прежде, чем она соглашалась с его планами.

– Знаю! – ответил он. – Но листай дальше. Там еще лучше.

– Что может быть лучше зачарованного меча? – спросила она, все же переворачивая страницы. – Зачарованный шлем, – пробормотала она, читая.

Макс подождал, пока она доберется ближе к концу книги и увидит зарисовку. Предыдущие страницы заполнялись неряшливо и бессистемно, но эта выглядела так, словно на ней писал совсем другой человек. Почерк был мелкий и убористый, с точными измерениями и детальной зарисовкой большого прямоугольника, окруженного кубами обсидиана. В центре прямоугольника стояла пылающая чаша. Его заполняли воронки: внутрь конструкции было не заглянуть, даже если она и выглядела так, словно в ней нет блоков.

Под зарисовкой темнели четыре слова.

Она подняла взгляд на Макса.

– Это правда?

– Есть только один способ проверить! – воскликнул он, широко улыбаясь.

Элисон вновь посмотрела в книгу и провела пальцами по словам.

ПОРТАЛ В НИЖНИЙ МИР

Глава 5

Палка, кирка и приключение

Вот что Макс и Элисон знали о Нижнем мире:

В школе говорили, что это запретное, таинственное место, и дети не очень понимали, почему оно такое запретное, ведь никто не говорил им, как туда попасть.

Родители Макса говорили, что это миф, который рассказывали безумные авантюристы, бродившие иногда по городу.

Когда они спросили бабушку Элисон Дию, та прочитала им длинную лекцию о пространстве лживых слухов и том, как дорого обходится легкомыслие – и говорила она так долго, что Элисон лишь спустя долгое время спросила себя, зачем же так серьезно готовиться к посещению места, которое даже не существует.

И во всех справочниках, которые они находили, это была глава, которую часто вырывали, но иногда забывали удалить из оглавления.

А что касается привычного использования слов, Элисон однажды задумалась: если они живут в *Верхнем* мире, то над чем конкретно он вообще находится?

Так что выяснили они следующее: это абсолютно точно место. Там точно опасно. И туда сложно попасть – или, по крайней мере, сложно выяснить, как туда попасть.

А потому Макс, разумеется, был уверен, что им туда очень надо.

* * *

Элисон настояла на том, чтобы выждать еще неделю – чтобы мама Макса официально разрешила им вместе выходить из дома, – и уже потом снова сбежать. Она была непреклонна, а без нее Макс идти не мог: он был не столь хорош в крафтинге и знал, что в хижине нужно будет кое-что починить. Он и не подозревал, насколько Элисон может раздражать его своим отказом наплевать на правила.

Он справлялся со своими чувствами тем, что избегал ее все последние дни их наказания. Это было несложно: мама все еще занимала их разными делами.

Элисон вежливо ждала, пока он остынет. Она знала, что он скоро вернется – он просто хотел, чтобы приключение началось *немедленно*. В глубине души Элисон не винила его, но не могла позволить себе и дальше раздражать маму Макса. Изнуряющее задание – зазывать (а иногда еще поднимать и носить) из пещеры овец мистера Хатча – доставило ей достаточно дискомфорта, чтобы вести себя осторожнее в том, что касалось следующей их вылазки.

Проблема заключалась в том, что они поднаторели в помощи маме Макса. Теперь она поручала им дела уже не столько, чтобы наказать, сколько из практических соображений. А когда мама Макса не пылала от злости на них, с ней рядом было вполне приятно находиться. Элисон все еще хотела пойти вместе с Максом в хижину, в которой тот нашел дневник, но тяжелая работа, которой их нагружали, ее выматывала.

– Вы оба хорошо поработали, – сказала как-то вечером мама Макса за ужином. – Я снимаю запрет на прогулки. Но больше в неприятности не влипайте.

Элисон благодарно кивнула. Но она помнила об обещании и, когда они с Максом вернулись в свои комнаты, выглянула в окно между стенами и сказала:

– Она не позволит нам сидеть без дела днем. Сегодня выходим.

Макс чувствовал себя на удивление уставшим. Он все еще был грязным после работы в саду и, уже почти заснув, лежал на спине.

– Уже? Я думал, ты хочешь выждать пару деньков, – застонал он.

– Ты шутишь? – спросила она. – Это ты раньше так рвался вперед...

Он со смехом сел, вновь вернувшись к привычному для себя радостному расположению духа.

– Конечно, шучу, – ответил он. – Идем.

Макс сказал, что нашел дневник в покинутой лесной хижине очень далеко от дома. Нужно было вернуться – ведь он не выяснил и половины тайн, которые там скрывались. К счастью, мама Макса днем посылала Элисон в сарай за инструментами, и та воспользовалась стоявшим внутри верстаком, чтобы второпях смастерить обычную кирку.

Она тихо сломала разделявшую их стену спальни, и они оба смогли выйти через дверь Макса.

Держа в руках факелы, они отправились в лес. Из оружия у них были только палка и деревянная кирка, и Элисон спросила, не смогут ли они раздобыть какое-то настоящее оружие или броню.

– Мы справимся и с одними факелами. Я хорошо знаю эти места, до несчастного случая я в свободное время отмечал их на карте. На тропинке вполне безопасно, и в хижине тоже.

Элисон все еще оглядывалась и широко распахивала глаза, пытаясь углядеть скрывавшихся за тенями мобов. Но тропа к хижине была чиста, а факелы отпугивали любопытных животных.

В самой хижине царил разруха. У Элисон перехватило дыхание, когда она поняла, что здесь случилось: на дом напали криперы. Она не любила криперов. Она отступила на шаг, подумала, что услышала в лесу шипение, и резко обернулась...

Никого. Она сбивчиво дышала, в голове звенела пустота. Макс исчез. Он что, бросил ее, как все остальные? Она осталась одна? Она сделала глубокий вдох и попыталась подавить панику.

Ее схватили за локоть, и Элисон грубо отдернула руку. Это был Макс – он выглядел взволнованным и обеспокоенным.

– Я расставил повсюду факелы, чтобы нас никто не потревожил, – сказал он, указав на дом. Теперь его со всех сторон заливал свет факелов. – Ты в порядке?

Она вытаращила глаза и молча кивнула. Он повернулся и пошел к хижине.

– Я не предупредил, что здесь такой беспорядок, извини, – он подвел ее к восточной стене – которой теперь и не было. – Я приношу сюда кучу вещей, прячу, чтобы мама не отобрала, – пояснил он, указывая на деревянные и каменные блоки. – Внутри безопасно.

Внутри горело еще больше факелов, согревавших их своим теплом. Макс прибрался, и теперь вместо стены из булыжников зияла дыра. Они забрались внутрь и увидели кое-какую мебель, кровать, печь и другие нехитрые вещи, нужные для жилья.

– Это ты еще подвал не видела, – сказал Макс, заметив ее выражение лица. Она выглядела расстроенной?

Она не знала, что и думать: она все еще вспоминала о семье.

– Чья эта хижина? – спросила она наконец, стараясь не выказать страх.

– Не волнуйся, ее бросили, – ответил Макс. – Давай я покажу тебе, что внизу.

Он зажег несколько факелов и расставил их по держателям, начиная с лестницы. Подвал медленно озарился светом. Элисон сдавленно вдохнула, разглядев книжные шкафы, столы зачаровывания, верстаки, станки, печи и сундуки. На стенах висели разнообразные картины, от хороших до ужасных (цветочные натюрморты и изображения холмов и бухточек были хороши; худшая была похожа на Странника края вблизи – а кто вообще станет его рисовать?). У дальней стены подвала, тянувшегося далеко за пределы хижины, в маленькое тайное окошко, которое Макс нашел в траве и расчистил, бил лунный свет.

– У этих вещей должен быть хозяин, – прошептала Элисон. – Никто просто так не оставит все это так лежать.

– Ну, кто-то же оставил, – откликнулся Макс. – А я... – Он умолк, когда Элисон ринулась мимо него к сундукам и открыла один из них.

– Здесь полно металла! – крикнула она. – Металла, золота и даже немного алмазов!

В другом сундуке оказались инструменты: кирки, лопаты и топоры из качественных материалов, которых, и Макс был в этом уверен, Элисон никогда прежде не видела. Большинство из них были в плохом состоянии и требовали починки, но все равно были лучше многих.

Она, наконец, нашла то, что искала – в третьем сундуке. Открыв его, она шумно вздохнула.

– Кто бы здесь ни жил, он был мастером. – Элисон достала меч и показала его Макс. Он был сделан из золота – и весьма искусно.

– погоди, прекрати бегать и хвататься за что попало... – начал он, но она продолжила поиски. – И да, разумеется, здесь жил мастер, – добавил он, указав на станки и верстаки. – Я подумал, нам нужно спокойное местечко: тебе – чтобы крафтить, а мне... – он понизил голос даже несмотря на то, что они были под землей и далеко от остальных людей – чтобы проводить эксперименты.

Надежды Элисон сменились скепсисом.

– Спасибо, но я все еще не понимаю, как кто-то мог все это бросить. Даже если хижину сломали, и им пришлось переехать.

Макс сделал глубокий вдох. Он почему-то выглядел очень обеспокоенным, но не удержался от еще одной фразы.

– Я знаю, почему Чародея здесь нет. Давай я тебе покажу.

* * *

Элисон как язык проглотила.

Стоявший рядом Макс легко качался с пятки на носок, с нетерпением ожидая реакции, но ей на ум не шли никакие слова.

Далеко от хижины была поляна, освещенная по периметру факелами Макса. Хотя в хижине царил хаос, поляна осталась нетронутой: деревья были подрезаны, на траву падал мягкий свет от факелов, и все внимание притягивал к себе стоявший посреди поляны предмет. Огромный черный прямоугольник, поблескивающий под светом факелов обсидиановыми гранями. Элисон на мгновение застыла, и Макс гадал, не накричит ли она на него, но вот она пошла вперед и начала осматриваться. На краю поляны лежала аккуратная горка обсидиана, просто на случай, если Чародею захочется еще больше расширить врата.

А это были врата. Проход. И Макс хотел пройти сквозь него.

На горке обсидиана Элисон нащупала кремень, сталь и блестящую кирку.

Она оглядела конструкцию. Она была как минимум в восемь блоков высотой и в четыре – шириной.

– На это ушло столько обсидиана, – прошептала она. – Откуда он взялся?

Макс осмотрелся. Он не видел в округе ни лавы, ни воды, так что для того, чтобы достать обсидиан, кому-то пришлось копать довольно глубоко – или он сам сделал его и после оставил здесь.

– Это же... это же не то, о чем я подумала, да? – спросила Элисон.

– Это настоящий портал в Нижний мир! Он существует! И я думаю, что автор дневника там! – воскликнул Макс, не в силах больше сдерживать ликование.

– Ты взял обсидиан для починки загона из запасов Чародея, – она не спрашивала. Она словно была сбита с толку и хотела произнести слова вслух, чтобы удостовериться в реальности происходящего.

Он пожал плечами, досадуя, что она не подхватила его мысль и не озвучила ее логичное продолжение.

– Я подумал, что получится. И заинтересует тебя. Но, Эли, ты же понимаешь, что это значит.

Она покосилась на него.

– Нет, – сказала она, будто знала, к чему он ведет, но отказывалась это озвучивать.

– Все ты понимаешь, – отозвался Макс. – У нас есть дневник и припасы – все что нужно. Мы можем пройти сквозь портал!

– Ты с ума сошел? – закричала Элисон. – Мы дети! Мы даже взбесившихся овец остановить не можем! С чего ты решил, что мы, во-первых, сможем найти Чародея и, во-вторых, пережить то, что ждет нас на той стороне?

Макс указал за спину, на хижину.

– Потому что ты смастеришь нам оружие и броню, а я их зачарую. А затем мы спустимся в Нижний мир и спасем Чародея.

Глава 6

Разница между молнией и вспышкой света

Элисон нужно было время, чтобы все обдумать. Они вернулись в дом Макса, пробрались внутрь и восстановили стену в спальне, чтобы мама Макса ни о чем не догадалась. Элисон провела день, невнимательно выполняя странную работу по дому и саду, а ночь – лежа без сна, смотря, как плывет по небу луна, размышляя и слушая медленное дыхание Макса через окно в стене.

Она хотела лишь улучшить навыки крафта и смастерить маме Макса какую-то броню для защиты. А потом и для его папы, пусть он и жил пока в деревне. И да, она не знала, как собирается дарить им эту броню, не признавая при этом, что они с Максом крафтили гораздо чаще, чем знали его родители, но эту проблему она собиралась обдумать другой бессонной ночью. Сейчас она не спала потому, что обдумывала, как сделать броню для Макса – ведь Элисон хотела защитить и его.

Но я хочу сделать ему броню, чтобы защитить, а не чтобы он наделал глупостей и прошел сквозь портал в Нижний мир, думала она. Как я защищу его, если он наденет броню и отправится за Чародеем?

Она нахмурилась, почувствовав, что загнала себя в тупик, а после ее настигло озарение: Макс отправится туда в любом случае. Она узнала целеустремленность в его взгляде, когда он говорил о том, чтобы спуститься в Нижний мир – она означала, что он решил отбросить осторожность.

Элисон осторожничала всю жизнь. Что может быть осторожнее, чем разводить овец и делать одежду из их яркой шерсти? До того, как переехать к Макс, она никогда в жизни не майнила, не сражалась со скелетами, не забредала в брошенные лесные хижины.

Она бы могла продолжать осторожничать. Оставаться в безопасности. Могла отказаться от предложения Макса отправиться в Нижний мир и продолжить помогать его маме. Может быть, та обучит Элисон архитектуре. Может, спустя какое-то время ей даже разрешат смастерить верстак, при условии, что они с Максом не кинутся использовать инструменты для сумасшедших и захватывающих экспериментов.

Они могли бы, например, рубить деревья. Нет ничего более захватывающего, чем рубить деревья...

Она перевернулась, перечисляя в уме знакомые рецепты оружия и брони. И заснула, мечтая об алмазном снаряжении и переливающихся порталах.

* * *

– Если мы решимся на это, то должны быть уверены, что знаем, во что ввязываемся, – сказала Элисон, когда в ушах перестало звенеть от восторженных криков Макса. Его мама оставила их ненадолго одних, а сама пошла к мистеру Хатчу, проверить, как поживают его овцы – когда они спрашивали в последний раз, Колокольчик еще хромала, – и Элисон почти не сомневалась, что это проверка на послушание. Макс вытащил древний дневник, и они начали его изучать.

На первых нескольких страницах содержались рецепты еды. Некоторые были обычными, вроде рецептов жаркого из свинины и баранины, но в других использовались грибы и цветы – или мясо летучей мыши, обожженное в лаве.

– Ты уже это пробовал? – спросила Элисон, ткнув пальцем в рецепт засахаренных грибов.

– Нет, я не умею готовить.

– И хочешь быть чародеем, – Элисон потерла лоб. – Хорошо, а твоя мама пробовала их приготовить?

– Нет, нельзя, чтобы она видела этот дневник. Она его отберет! – воскликнул Макс.

– Многое, о чем говорится в дневнике, нам в школе не показывали, – пояснила она, перелистнув страницу. – Не знаю, стоит ли верить этому «Чародею», как ты его называешь.

– Но портал настоящий! – возразил Макс. – Мы точно это знаем.

– И из-за этого ты готов рискнуть нашими жизнями? – спросила она, кинув на него сердитый взгляд. Она перевернула страницу. Несколько остались пустыми – наверное, чтобы в будущем вписать новые рецепты, – а следующая часть была, очевидно, посвящена механизмам.

Рисунки в ней были прорисованы детально и с большой любовью, художник положил тени и добавил инструкции, как воспроизвести механизмы блок за блоком.

Почему Макс не назвал автора «Строителем»? Кто бы ни написал это, он явно был умелым архитектором. На первой странице части были планы по постройке сложной системы добычи горных пород, с ленточными конвейерами, стремянками и лестницами. На другой – детально изображенная система туннелей для глубинных раскопок, с укрепленными стенами. Этот способ копать был гораздо безопаснее того, что использовали Элисон и Макс. Потом рисунки стали фантастичнее: плавучий, горящий пламенем маяк, возвышающийся высоко над деревьями. Подводное поместье (с пометкой архитектору перед началом постройки посмотреть планы и рецепты того, как дышать водой) вместе с загонами для кальмаров. Автор упустил, что кальмар мог бы проплыть над или под загоном, но рисунок был сделан хорошо, и покорные кальмары на нем спокойно сидели в загонах. Огромное сооружение, похожее на железную дорогу, взлетало и падало, точно линия холмов, а по рельсам ползли сцепленные друг с другом вагонетки. Постройка, кажется, служила лишь одной цели – веселью.

Стоило ей перейти к следующей главе, как почерк снова стал неразборчивым: иногда автор расстраивался и от злости перечеркивал целые главы. Элисон заметила на полях пометки Макса, который то пытался разгадать, что было написано на страницах ранее, то подбадривал автора, словно его слова могли вернуться назад во времени и поддержать расстроенного Чародея.

Она задумалась, насколько книга увлекла Макса. В нем то и дело вспыхивал и угасал интерес к чарам: он считал, что чары – это круто, но не настолько круто, чтобы изучать их в школе.

К тому же, было трудно испытывать восторг, когда преподаватель на каждом шагу требовал от учеников осторожности и учил их лишь легким чарам – и то, только после нескольких часов лекции об истории чар, то есть *после* ланча, когда все становились сонными. Теперь у них были загадочный рукописный дневник, покинутая хижина и нужные инструменты для всего, о чем они мечтали. Кто бы *вообще* отказался изучить чары?

Например, Элисон. Ее гораздо больше интересовало, как создать добротный шлем из сияющего золота, а не то, как заколдовать его, чтобы дышать в нем под водой. Она думала о всем том золоте, что лежало в сундуках под хижинкой, и сжимала и разжимала пальцы, сгорая от желания приступить к работе.

Она сделала глубокий вдох и терпеливо начала перечитывать дневник. Ближе к концу шли все более неряшливые рецепты и техники, поверх многих из них было написано «ПРО-ВАЛ». Некоторые автор вырвал. Немного поразмыслив, Элисон решила, что у нее есть кое-какая работенка.

* * *

Мама Макса с большой неохотой разрешала им оставаться вдвоем, но она сняла запрет на совместное времяпрепровождение – и всегда проявляла сочувствие к Элисон, когда та хотела

сходить домой, чтобы что-то взять или присмотреть за овцами. А пока, раз уж Элисон сидела наказанная, за ее овцами, по просьбе мамы Макса, следил мистер Хатч.

Элисон чувствовала, что тот везде вышел проигравшим: они с Максом прокопали в его ферме дыру, его овцы рухнули в эту дыру, ему пришлось тяжело трудиться, чтобы вытащить их наружу – и в награду за свои беды мистеру Хатчу, вдобавок к его собственному порядочному черно-белому стаду, всучили разноцветных пестрых овец Элисон. Но он согласился, потому что жалел Элисон из-за случившегося.

Однако Элисон все равно хотела проверить, как они поживают – пусть теперь и на полях мистера Хатча. Овцы довольно бродили вместе со своими черно-белыми собратьями, но Элисон была уверена: Яблочку и Маленькому принцу не терпелось сбежать и пробраться к воде, а может и найти себе друга-кальмара.

Она почесала Яблочко по переносице.

– Когда-нибудь тебя отсюда выпустят. Но сегодня я тебя забрать не могу.

Овца смотрела с недоверием, но Элисон нечем было ее убедить, и она лишь пожалала плечами.

Она с тяжелым сердцем подошла к тому, что осталось от ее дома. Никто так и не закопал огромную яму, а дерево так и стояло сломанное. Она почувствовала себя еще хуже, осознав, что раз она была последней выжившей из семьи, то прибираться здесь – ее работа. Кому еще, по ее мнению, было этим заниматься?

Она лишь соорудила лестницу, по которой могла подниматься в оставшиеся целыми комнаты. Забравшись по ней, она вошла в мамин кабинет.

Здесь еще висела картина с маками, стояли стол и сундук. Элисон не осматривалась здесь со времени переезда, знала, что и сейчас времени на это нет, но решила забрать все, что сможет унести, вдобавок к вещи, за которой пришла.

Она обыскала мамин стол и быстро обнаружила то, что искала – почти пустую книгу. Ее мама использовала ее практически так же, как Чародей: здесь были записи различных вариантов цветовых сочетаний и стилей флагов, за ними следовала страница с перечислением домашнего скота и кличек овец, которых скрещивали для выведения потомства с более чистой и яркой шерстью и уменьшения случаев родственных связей. Но если не считать первые десять страниц, книга была пуста.

Она забрала еще несколько маминых книг, пару семейных фотографий и столько шерсти из маминих запасов, сколько могла унести. Спустившись по лестнице, она увидела мистера Хатча и овец. Она помахала, но постыдилась поприветствовать его или завязать беседу. Но в этот раз она хотя бы была на нужной стороне его фермы.

* * *

Макс не скрывал своего возмущения, когда узнал, что она хочет переписать дневник в пустую книгу.

– Я уже разгадал большинство записей. Мои записки верны, – сказал он, скрестив руки.

– Я и не говорю, что они неверны, – отозвалась Элисон. – Просто в переписанном виде будет чище. Я готова переписать и твои заметки – но дневник изорван, покрыт пятнами воды, подпален, многое зачеркнуто.

– Знаю! Это-то и здорово!

– Слушай, я просто хочу добавить и свои замечания. Если так хочешь, продолжай работать с неряшливым дневником.

– Я много чего выяснил, – сказал он, сжав дневник в руках, словно она хотела его отобрать. – Почему бы не продолжить?

– Нужно будет проверить кое-что, прежде чем приниматься за работу. Если я перепишу записи, это никак не повредит дневнику, Макс.

Позднее тем же вечером Макс ходил кругами по подвалу хижины и недовольно косился на то, как Элисон переписывает в пустую книгу еще один «неудачный эксперимент».

– Можешь перестать на меня зыркать, – спокойно заметила она. – Не моя вина, что эксперимент провалился.

На варочной стойке напротив еще висел в воздухе дымок над останками неудачного зелья – хоть Макс и вылил на него ведро воды. Элисон попробовала приготовить по рецепту зелье проворства, и провал был столь грандиозным, что бутылка с зельем расплавилась, оставив после себя на станке изогнутое подобие стекла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.